

Петр ШМАКОВ

КАК ТОЛЬКО наступали весенние порожие дни, тетя Поля перебралась к себе на крохотную дачку со всеми пожитками. Дачкой она называла небольшую мичуринский участок. Вот уже пять лет, как она вышла на пенсию и каждое лето безвыездно проводит на своей даче, где у нее растет всего помаленьку. Две грядки викиории, куст сирени, куст облепихи и пара кустов смородины сорта «Голубка». Но больше всего тетя Поля любит разводить цветы. Флоксы и георгины, астры и анютины глазки, пионы и еще такие, названий каких тетя Поля не помнила. Ее сад переливался всеми красками, какие только может выдумать щедрая природа.

В последнее время у тети Поли стали сильно болеть ноги. Особенно перед ненастьем. Она даже шутила над собой: «Я что самый точный барометр. Мои ноги ошибки никогда не дают». Ходила она не спеша, постоянно ощущая ровную тупую боль в коленях и ступнях. И только в работе боль проре бы утихла, забывалась.

Тети Поля любила ранние субботние утра. Встала она в этот день раньше обычного. Прибрала в своей избушке, промыла окна, подмела узенькую дорожку, ведущую от дверной приступки к воротам и вышла за сады на большую пыльную дорогу.

Солнце поднялось над полями мягкое, нежное. Радуются ему птицы и samozабвенно славит доброе утро, теплое солнце, синее небо. Все, что окружает тетю Полю, словно было создано для нее. И она принимает этот мир как должное. Стоит у обочины дороги, скрепив серые, жилистые руки под грудями, и наблюдает, как подходит бесшумно электричка, как вываливаются из вагонов сотни дачников с разнообразными инструментами и огромными сумками с провиантом.

Тети Поля довольно отвечает на приветствия приехавших дачников, каждому дарит улыбку и все поглядывает в конец текущей толпы. Если приезжала Марина, а она всегда шла почти последней, торопилась навстречу и старалась помочь дочерни нести сумки, но та всякий раз не позволяла ей утруждаться и спрашивала:

— Ну как твои ноги, мама? Я тут тебе муравьиного спирту привезла. Мне Вера Васильевна достала. Говорит: лучшего средства и не найти.

Голос у Марины низкий, грудной, заботливый. И это трогало тетю Полю до слез, и она старалась скрыть их: не дай бог, дочь расстроится из-за ее хвори. А этого тетя Поля больше всего боится.

Тети Поля, следуя чуть поодаль от дочери, любит ее. Марина ростом высокая, ладно скроена, лицом красивая, гордая. Гордость эту тетя Поля хорошо знает. Два года назад Марина вышла замуж. Муж ее попервости был тихим, спокойным и работящим. И относился к ним доброжелательно, вежливо. Но потом стал поживать. А выпив, куражился, бахвалился своей образованностью и попрекал и жену, и тетю Полю, что они не читают книг, не понимают искусства и совсем не смыслят в технике. Через полгода Марина заявила:

— Давай-ка, мил-другок, по-доброму расстанемся. Не пара мы с тобой. Нищи ученую...

Дмитрий, как звали мужа Марины, даже растерялся от такого резкого тона и хотел перевести все в шутку, но Марина как отрезала. Тети Поля попы-

талась было урезонить дочку, но та и слышать не хотела больше о совместной жизни с Дмитрием. Так и живут они вдвоем с матерью.

Соседями по саду у тети Поли были Крючковы. Федор Иванович работал бригадиром на шахте, откуда и сама тетя Поля ушла на пенсию. Там и до сих пор помнили работящую, добрую ламповицу.

В прошлые годы Федор Иванович приезжал часто со своей женой. С электрички они шли быстро, оживленно о чем-то говорили, смеялись. А за ними всегда спешила тоненькая, как

семья была и на тебе... словно черная кошка меж ними пробежала...».

Тети Поля вернулась к себе. Она взяла шланг и стала поливать цветы.

— Тети Поля?

Она вздрагивает, оглядывается. Перед ней стоит Федор Иванович. Он заметно сдал. Лицо обтянуло сухой кожей и чуть лоснится. Глаза задумчивы, но по-прежнему красивые, живые.

— Мне бы лейку, если есть, — спрашивает он.

— Как же нету, Федор Иванович. Сейчас принесу, — она уходит за лейку, где у нее

Погожие дни

РАССКАЗ

новый прут, долговязая дочка Лена. Но с осени прошлого года в семье Крючковых что-то произошло. Совместные поездки становились все реже и реже. А если и приезжали вместе, то тетя Поля уже не замечала за ними той согласованности и радости, которая была раньше. Жена теперь почти не работала, а ссылаясь на головные боли под солнцем, ложилась в тени под яблоней и читала журналы или книгу. Тети Поля тяжело переживала разрывку Крючковых, но подойти и спросить стеснялась.

Этой субботой Марина не приехала. Видимо, будет в воскресенье. Тети Поля пошла в гости к приехавшим Вальдовым. Это пожилые люди: Сергей Петрович и Зинаида Васильевна. В саду у них много малины, смородины, викиории. Ягоды они продавали. Но тетя Поля за это их не осуждала. У них учатся в институтах дочь Галя и сын Витя. Их надо поддерживать. Ребята не балованные, симпатичные и культурные. В прошлом году они приезжали в сад. И так его ухаживали, что был как игрушечный. Нынче же они оба поехали со стройотрядом на БАМ.

Зинаида Васильевна, полная, страдающая одышкой, встретила приветливо:

— Добрый день, тетя Поля. Вы вроде доброго стража у нас. Когда вы здесь, у меня сердце не болит за сад. Знаю: никто не напакостит, не потопчет грядки.

— Да у нас вообще-то не слышать баловства-то, — отвечала тетя Поля, довольная тем, что в ней нуждаются и что она кому-то полезна.

— Ну, не скажите, тетя Поля, в вагоне сегодня знакомая рассказывала, так не приведи господь. Окно у одних выставили и утащили подушку, одеяло и двадцать метров шланга. В окно пролезли... Вот ведь какое хулиганство.

— Да вы успокойтесь, Зинаида Васильевна. Ребятыя это по своему недомыслию. Занять их некому, вот они и шкуют от нечего делать...

— Ну, не скажите, тетя Поля. С умислом взяли. С умислом, как есть с умислом. Продадут за бутылку и дело с концом. Не-ет, хорошо, что вы в нашем краю живете. Хорошо-о... — Зинаида Васильевна смотрела на соседку добрыми глазами и добавляла, уже успокоившись: — А вы по своей доброте всех жалаете. А надо не всех жалеть. Жалеть не всех надо...

— Ну, не скажите, Зинаида Васильевна. Человек на добро всегда ответит добром...

Тети Поля улыбалась и думала: «И впрямь, мне всех людей жалко, если у них какие неурядицы. Вот ведь жалко Крючковых. Такая дружная

маленькая кладовочка, и возвращається с лейкой.

— Как дела на нашей, Федор Иванович? — спрашивает тетя Поля, и Федор Иванович понимает, о чем она спрашивает. Он улыбается, вспоминая о «своей», и после небольшого молчания сообщает:

— Начинаем выправляться. За прошлый месяц перекрыли план. Вы же знаете, тетя Поля, что мы внедрили новый комплект?

— А как же? Знаю, — радостно отвечает тетя Поля.

— Так вот мы с планом немного и сели. А теперь ничего, выправляемся...

— Ну вот и хорошо. А я ведь скажу по шахте, Федор Иванович, — грустно говорит тетя Поля. — Вот уж сколько времени прошло, а будто из родного дома ушла.

— Это естественно, тетя Поля. Вся жизнь на шахте прошла.

...Времени свободного у тети Поли достаточно, и она часто думает о своем житье-бытье, о жизни знакомых, о своих соседях. И думы у нее незлобные. Мысленно она ищет решения, как помочь людям в их бедах и недоразумениях.

Мужа у тети Поли убили в последний год войны. На руках осталась Маринка. Вырастила ее одна и, славу богу, воспитала хорошо. Выучила. На работе Марину ценят. Она бухгалтером в больнице.

В жизни еще много несурьиза, думает тетя Поля, а все это от войны. Вот взять ее жизнь. Разве бы она таким образом сложилась? Конечно, нет. Будь жив ее Гриша — и не было бы вдовьих горючих слез, не было бы тоски и боли в сердце... Но обидней всего тете Поле становится, когда рушится жизнь людей, которых не опалила военная пора. Почему не жить в добром мире и ладу Крючковым? И как им помочь? Что надо сделать? Может, поговорить с Клавой? Так это, душевно, по-бабы... Не может женское сердце не откликнуться на доброту и ласку.

И придя к такому решению, тетя Поля почувствовала вдруг большое облегчение, будто ее решилось так, как она и ладу мала.

Стоит она среди сада. Вокруг расстилается ковер из разноцветных цветов. Тают в прозрачном солнечном свете кусты сирени, облепихи, тонко гудит пчелы, глухо рокочет на речке мотор водонасоса.

Тети Поля обвела взглядом окружающий ее мир, улыбнулась и вслух сказала:

— Хорошо! Все будет хорошо.

Редактор
В. И. КОРАБЛЕВ

Коллектив Крапивинского

// Заветы
Ленина,
1976,
22 июля, с. 4.